

«Если Будем Живы». К 90-летию со дня рождения Василия Пескова

14 марта выдающемуся российскому журналисту и писателю Василию Михайловичу Пескову исполнилось бы 90 лет

Кепка, куртка, фотокамера – Песков в обычном, рабочем состоянии

В августе 1988 года я должен был улететь в город Нью-Дели работать корреспондентом «Комсомольской правды» в Индии. За два дня до отлета пришла телеграмма из Нижнего Тагила: умер отец. Я шел по коридору «Комсомолки», не замечая ничего

вокруг. Вдруг кто-то взял меня за локоть и прислонил к стене. Я очнулся. Передо мной стоял Василий Михайлович Песков. В своей традиционной кепке, в зеленой куртке. Он продолжал держать меня за локоть, внимательно глядел в глаза и говорил быстро, чуть хрипловатым голосом: «Юра, я знаю, у тебя горе. Ну, дорогой мой, тут уже ничего не поделаешь. Скажи, сколько тебе нужно денег, я дам». Я поблагодарил его, как мог. В родной газете он был первым, кто предложил мне помощь...

Лет пять спустя мы ехали с ним по затаеваемой, петляющей дороге на север Индии, в гималайскую долину Кулу – летнюю резиденцию великого соотечественника Николая Рериха. Песков был тут в командировке от «Комсомолки». В какой-то момент я подумал о том, что читаю этого великолепного журналиста со школьной парты, но никогда не видел, как он работает. Через час пути такая возможность мне представилась. Он заметил слева по ходу нашего джипа человека с медведем. К ошейнику гималайского мишки была привязана веревка. Человек шел по обочине дороги босиком, забавляя по пути проезжающих туристов. Не бесплатно, конечно.

Песков резко скомандовал шоферу «стоп!», мгновенно выскочил из джипа с кофром на плече. Через секунду в руках у него уже был «Никон», готовый к работе. Невзирая на дорожную пыль, он бухнулся на живот в десяти метрах от человека с медведем, с обочины, как из окопа, снимая это индийское чудо. Я, на двадцать лет моложе его, катастрофически не поспевал за ним. И когда съемка была закончена, Василий Михайлович буквально заставил меня переводить свои вопросы и ответы человека с медведем. Приблизительность моих переводов его категорически не устраивала. Он заставлял меня задавать один и тот же вопрос по три, по четыре раза, пока не получал на него внятный ответ. За какой-то час я вымотался так, как не выматывался никогда. Зато Песков был доволен: струйки пота текли по его лицу из-под кепки, вся рубаха и джинсы были в пыли и грязи, но он не замечал этого. У него был материал для газеты! На пленке и в блокноте.

Он любил дарить свои книги с веселыми автографами. Фото: Из

архива Юрия Лепского

Кстати, он никогда не пользовался диктофоном. Только блокнот и маленький карандаш, которым он писал и делал зарисовки. У него не было мобильного телефона, только обычный домашний. Он до конца жизни снимал пленочной камерой, не признавал накрученных цифровых. Не работал на компьютере, писал от руки. У него не было телевизора. Точнее, был, но он его никогда не смотрел. Однажды он обмолвился об этом в каком-то интервью. Через день у него дома раздался звонок. Песков снял трубку: звонил Солженицын. Автор «Одного дня Ивана Денисовича» счел необходимым засвидетельствовать свое почтение и солидарность автору «Окна в природу»: Солженицын тоже не был телезрителем. А еще у Пескова не было высшего образования, только сельская школа, а уж про ученые степени я и не говорю.

Эта упорная архаика кой у кого может вызвать снисходительную улыбку. Но не у меня. Мне – обладателю двух цифровых диктофонов, шестого айфона, накрученного айпада, цифрового «Никона» и мощного «Мака» – Солженицын не звонил. Путин со мной закон о лесе не обсуждал, а с Василием Михайловичем счел необходимым обсудить. Не мои цифровые тексты печатают как канонические в детских букварях, а его – простые и прозрачные новеллы о природе, написанные карандашом в блокноте. Поэтому он – В. Песков – лауреат десятков престижнейших премий, величайший профессионал, компетентнейший и авторитетнейший журналист, тонкий писатель и мыслитель. А я – всего лишь обладатель этого цифрового барахла. Однажды он спросил меня: зачем тебе столько рубашек? Надо иметь штук шесть и двое штанов – больше ни к чему. Думаю, по большому счету он прав. Вся эта наша беготня за модным и «современным» – всего лишь жалкие попытки компенсировать отсутствие чего-то важного и основополагающего – знаний, таланта, подлинного профессионализма. Однажды он дал мне совет: никогда не пиши в тексте цифры цифрами, только буквами, не 6, а «шесть». Цифры в тексте – как гвозди в мягкой булке. Ну, кто еще так мог бы сказать?

...А тогда мы добрались с ним до местечка Нью-Кастл в долине Кулу. Нас поселили в номере высокогорного гималайского отеля, каждому выдали по огромному пуховому одеялу. Ночью Песков потребовал открыть окна. К нам в номер заползали редкие облака, ночником нам служила луна. А мы с ним, лежа под нашими пуховиками, до утра говорили о жизни и профессии, о детстве, о войне, о том, что можно считать важным, а что – нет. Он поразительно интересно рассказывал о теории Дарвина, о любимом Бунине, о речке своего детства, о том, как приятельствовал с Гейченко и снимал Михайловское с вертолета... А я... А я думал о том, как не хватало мне таких вот разговоров с отцом, с которым мы только-только начинали дружить...

Он до последнего дня заходил к нам в редакцию. Крепкий, как боровик. Брал меня за локоть и говорил свои хрипловатым голосом:

ну, когда рванем на Соловки? Весной, – отвечал я. – ЕБЖ. ЕБЖ, – подхватывал он. Это наш с ним код – Если Будем Живы.

По тексту Юрия Лепского